

Правовой статус GPL в России

Автор: **Елена Тяпкина**

Опубликовано в журнале "Компьютерра" №13 от 09 апреля 2002 года

11 июля 2001 года шведская компания MySQL AB подала в суд на американскую корпорацию Progress Software и ее дочернюю компанию NuSphere за нарушение лицензии GNU General Public License (GPL), разработанной Free Software Foundation (FSF) (www.gnu.org). 27 февраля 2002 года в окружном суде США в Бостоне состоялись предварительные слушания по делу. За более чем десятилетнюю историю существования GPL ¹ - это первый иск, поданный против софтверной компании за нарушение лицензии.

Один из присутствовавших в зале суда поделился впечатлениями о слушаниях на почтовом сервере Declan.McCullagh's.Politech: «Примечательно, что никто не ставил под сомнение юридическую силу GPL - будто это одна из обычных лицензий на программное обеспечение». Однако эксперты дали совсем другую оценку этому событию: уже высказываются мнения, что первый судебный прецедент бросил тень на GPL как на юридический документ, потому что судья отказалась рассматривать вопрос о ее нарушении компанией NuSphere. Аналитики даже говорят о возможном пересмотре GPL. Такое положение вещей, полагаю, может подорвать оптимизм юриста FSF Эбена Моглена, который называл GPL «очень надежным механизмом» (www.gnu.org/philosophy/enforcing-gpl.html). После суда представители FSF и NuSphere от комментариев отказались, а я предлагаю читателям вернуться из далекого Бостона в Россию и подумать о перспективах GPL на нашей территории.

GPL - одна из самых подробных (в отличие, например, от BSD) и понятно изложенных (попробуйте продаться через Mozilla Public License (www.opensource.org/licenses/mozilla1.1.html) на английском, а потом переложить ее условия на законодательство России) лицензий на свободное [программное обеспечение](#). Кроме того, она хорошо известна в России, благодаря многочисленным переводам на русский язык. Кроме GPL переведена и лицензия BSD, но вы не найдете на русском ни ту же Mozilla Public License, ни лицензию MIT, Cryptix General License, ZLib, License of Python и т. д. (в списке лицензий на свободное программное обеспечение на сайте FSF их более сорока). Но юридическая сила GPL все же вызывает сомнения, и не только у американских экспертов и аналитиков. Некоторые сторонники свободного программного обеспечения в России полагают, что для его защиты в Российской Федерации в дополнении к GPL нужен специальный закон.

Однако для успешного применения GPL в РФ нет необходимости принимать специальные законы. По своей юридической природе она мало чем отличается от любого другого лицензионного соглашения с конечным пользователем (End-User License Agreement, или EULA) на несвободное программное обеспечение. Такие соглашения, применяемые в России, - это, как правило, переводы «западных» лицензионных соглашений на русский язык без учета отдельных норм российского авторского права. Однако это вовсе не препятствует применению соглашений в России, и пока они прекрасно существуют в рамках действующего законодательства. Почему в этих же рамках не может существовать и GPL?

Поясню вышесказанное: GPL, как и EULA, можно описать с помощью юридических понятий российского гражданского права. В соответствии с нормами Гражданского кодекса РФ, GPL - это договор присоединения, условия которого определены одной из сторон в стандартной форме и могут быть приняты другой стороной не иначе, как путем присоединения к предложенному договору в целом. Момент вступления в силу GPL для пользователя указан в лицензии четко и ясно: если пользователь внес изменения или осуществил распространение экземпляров программного обеспечения, лицензируемого по GPL, он тем самым подтвердил свое присоединение к лицензии в целом, включая условия, определяющие порядок копирования, распространения и модификации.

Тот, кто внимательно читает лицензии на программное обеспечение, увидит здесь явное сходство: EULA вступает в силу и становится обязательным для пользователя, если он вскрыл упаковку программного продукта или установил программное обеспечение на свой компьютер. Такой способ

выражения намерения заключить договор описан в любом учебнике гражданского права и называется в юридической теории «конклюдентные действия», то есть действия, выражающие волю лица заключить сделку, но не в форме устного или письменного волеизъявления, а поведением, по которому можно сделать заключение о таком намерении.

Отличие GPL от EULA в том, что там, где EULA запрещает (копировать, распространять и модифицировать), GPL разрешает.

Тем не менее, при применении GPL в России могут возникнуть проблемы, которые подразделяются на два блока. Первые лежат в области международного частного права², а также связаны с различиями в авторском законодательстве России и США. Вторые носят характер скорее практический - это вопрос, в частности, статуса русского перевода GPL, который может иметь существенное значение при защите интересов разработчиков свободного программного обеспечения в суде.

Прежде всего, возникает проблема выбора права, применяемого к отношениям лицензиара и лицензиата. В GPL этот вопрос не урегулирован. В таком случае будут применяться так называемые коллизионные нормы. В результате, если лицензиар проживает или действует на территории России, к отношениям лицензиара и лицензиата будет применяться российское законодательство. Это положение соответствует части третьей Гражданского кодекса РФ, введенной в действие с 1 марта 2002 года.

Далее следует обратить внимание на требования Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» относительно срока и территории, на которые передаются права. В GPL не указан срок, на который передаются права копировать, распространять и модифицировать программное обеспечение. В соответствии с Законом РФ при отсутствии в авторском договоре условия о сроке, на который передаются права на использование произведения, договор может быть расторгнут автором по истечении пяти лет с даты его заключения, если пользователь будет письменно уведомлен об этом за шесть месяцев до расторжения договора. Следовательно, существует определенный риск, что разработчик, создавший свободную программу, по истечении пяти лет с момента ее первого распространения может на законном основании отказаться от лицензирования по GPL и перейти на другое, не совместимое с GPL лицензионное соглашение.

Эту проблему можно обойти, руководствуясь пунктом 4 GPL. В соответствии с ним любая передача прав на условиях, отличных от GPL, является недействительной и автоматически ведет к расторжению GPL и прекращению всех прав. При этом права всех пользователей, то есть лицензиатов, сохраняют силу при условии полного соблюдения лицензии. Таким образом, если автор по истечении пяти лет захочет, например, изменить лицензионные условия в отношении своей программы и распространять ее не под GPL, а под другой, не совместимой с ней лицензией, пользователи в отношении данной программы сохранят права, переданные им по GPL.

В GPL также отсутствует условие о территории, на которую передаются вышеуказанные права. В Законе сказано, что в том случае, если лицензиар находится в России, действие передаваемых по договору прав ограничивается российской территорией. Этот пробел можно легко устранить в будущем при пересмотре GPL, указав, что права по лицензии можно осуществлять «worldwide» (для английского текста). В русском тексте получится немного длиннее: «на территории любого государства». Подобное положение содержится в пункте 2.1. Mozilla Public License: «Лицензия, которую вам предоставляет первый разработчик, распространяется на территорию любого государства, является неисключительной, не требует выплаты авторского вознаграждения».

Наконец, возникает вопрос о статусе текста GPL на русском языке. Несмотря на то что переводы GPL можно прочитать на более чем двадцати языках, единственный текст GPL, имеющий юридическую силу, - это текст на английском языке. FSF аргументирует это тем, что GPL предназначена для применения в любом государстве мира, и разработчик и пользователь программного обеспечения могут находиться в разных юрисдикциях, а значит, быть носителями разных языков. Поэтому для английского текста лицензии отводится роль унифицирующего механизма. На сегодняшний день FSF не одобрило ни одного перевода GPL, даже из тех, которые есть на сайте FSF - они выполняют исключительно информационную функцию. Однако из правила «единственный официальный текст - на английском» в будущем могут быть и исключения. В

настоящее время FSF рассматривает вопрос об официальных переводах GPL для тех государств, где в соответствии с нормами национального права договоры должны заключаться на соответствующем государственном языке.

Как уже было сказано, на сегодняшний день существует, наверное, больше десятка русских переводов GPL. К сожалению, не все из них являются правильными, а некоторые, кроме того, не соответствуют формальным требованиям³, предъявляемым FSF к переводам. Тем не менее, применение английского текста GPL в России вполне допустимо. Гражданское законодательство РФ не требует, чтобы договоры заключались только на русском языке. Однако если свободное программное обеспечение сопровождается только GPL на английском, это может существенно осложнить его использование, например, в образовательных учреждениях или органах государственной власти и местного самоуправления либо в иных случаях, когда финансирование разработки свободного программного обеспечения ведется за счет государственных средств. Русский текст GPL также может оказаться весьма кстати, если правоохранительные органы попросят подтвердить «лицензионное» происхождение свободного программного обеспечения, установленного на компьютерах в вашей фирме. В качестве идеи: может, тем фирмам и предприятиям, которые перешли на свободное программное обеспечение, следует уведомлять об этом местные правоохранительные органы во избежание лишних проверок? Поэтому правильнее всего было бы сопровождать свободное программное обеспечение, распространяемое в России, английским текстом GPL, а также текстом одного из переводов GPL на русский язык.

Русский перевод GPL потребуется не только при распространении свободного программного обеспечения, но и в суде РФ при рассмотрении дела о нарушении GPL. Но и в этом случае перевод GPL, заверенный нотариусом и представленный в суде в качестве доказательства, не становится официальным текстом GPL.

Несмотря на все вышеперечисленные проблемы перспектива применения GPL в России как лицензионного соглашения на программное обеспечение вполне реальна. И не стоит расценивать разочарование экспертов после первой «проверки на прочность» GPL в суде как предпосылку к признанию ее несостоятельной. На самом деле, юридическая история GPL только начинается и обещает быть весьма интересной.

1) - В настоящее время действует вторая версия GPL, вступившая в силу в июне 1991 года.

2) - Гражданско-правовые отношения с участием иностранных лиц или гражданско-правовые отношения, осложненные иным иностранным элементом. (Ст. 1186 Части третьей Гражданского кодекса РФ.)

3) - Любой перевод должен содержать соответствующее уведомление, текст которого опубликован на сайте FSF, на английском языке и на языке перевода.